

«Альцина» Генделя — самая последняя постановка театра — посвящена 300-летию юбилею великого композитора, «Альцина» — 34-я опера Генделя из 40 его произведений этого жанра. Непреходящая красота этой музыки заставляет задуматься над тем, как сохранить и донести этот стилистический пласт музыкального наследия до современного зрителя. Концертное исполнение — весьма привлекательный паллиатив, а вот сценическое воплощение все еще остается проблемой, — проблемой, которую не удалось до конца решить и эстонской труппе.

«Альцина» относится к жанру так называемых волшебных опер XVIII века. Уже этим в какой-то степени определена степень ее условности. Условны герои: злобная волшебница Альцина (М. Войтес), ее сестра Моргана (А. Кааль), молодой рыцарь Руджеро (Т. Сильд), плененный чарами Альцины, чистая самоотверженная Брамманта (М. Ээнсалу), невеста Руджеро, освобождающая своего возлюбленного от волшебных чар, другие герои. Достаточно условны, а точнее, типизированы и чувства, владеющие героями.

Казалось бы, все просто — постановщикам нужно только найти ту меру сценической условности, которая отвечала бы условности музыкального материала. Однако именно это оказывается самым сложным. Эстонские постановщики режиссер А. Микк, художник У. Кярбис, балетмейстер М. Мурдмаа на первый взгляд идут по верному пути — «волшебный колорит» декораций, стилизованные костюмы, со вкусом, в духе XVIII столетия поставленные танцы. Но вот принесена одна фальшивая подробность, и иллюзия волшебного царства Альцины рушится. По легенде Альцина, пресытившись очередным своим возлюбленным, заколдовывала его, превращая в камень или животное. Это волшебное превращение режиссер, пожалуй, понял слишком буквально, выведя на сцену массу в причудливых хламидах. Мало того, что эти угрюмые безмолвные персонажи выглядят отталкивающе сами по себе, режиссер дает им ряд иллюстративных сценических задач, тем самым отвлекая зрителя от основного действия. Только к финалу зыбле-

ется, что назойливо мельтешащая на сцене масса нужна режиссеру лишь для обратного, волшебного превращения камней в живых людей как мужского, так и женского (?) пола.

Однако лишние, отвлекающие постановочные приемы в спектакле все же не помешали зрителям по достоинству оценить и музыкальные красоты партитуры Генделя, и мастерство исполнения эстонских солистов. Лишний раз мы вспомнили о том, что опера XVIII века — это опера вокалистов-виртуозов. Обилие сложнейших фиоритур, блестящих пассажей под волшебным пером Генделя обретает поразительную стройность и гармонию законченных арий. К чести эстонских солистов, им удалось почти во всем справиться с этими трудностями. Здесь прежде всего следует назвать М. Войтес и А. Кааль, на чью долю выпали особенно виртуозные партии. И, конечно, отметить искусство дирижера П. Мяги — это музыкант с большим вкусом и отличным знанием музыкальной стилистики XVIII века

А. Алексеев - Ветеранский —

«В столице — театр» Эстония
и музыкальная жизнь 1986/1

стр. 7